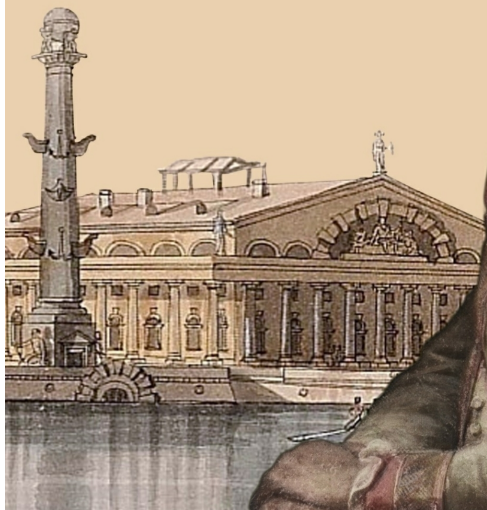

Шарль де Линь

**СТИХИ
О РОССИИ**

Charles de Ligne

**POÉSIES
SUR LA RUSSIE**

0+

Шарль де Линь

Шарль де Линь. Стихи о России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57364713

SelfPub; 2020

Аннотация

Принц Шарль-Жозеф де Линь (1735-1814) – бельгийский военный деятель, дипломат, поэт и мемуарист эпохи Просвещения. В этой книге собраны стихотворения принца де Линя, адресованные нашим соотечественникам. Стихотворения воспроизводятся по изданию: «Mélanges militaires, littéraires et sentimentales», 1795-1811.

Содержание

Наталье Головкиной	5
Андрею Шувалову	6
Екатерине II	7
Екатерине Багратион	8
Екатерине Долгорукой	9
Александрю Белосельскому-Белозерскому	10
Сергею Уварову	11
Платону Зубову	12
Казачке по имени Флора	13
Юрию Головкину	15
Николаю Путятину	16
Марии Нарышкиной	18
Екатерине Самойловой	19
Григорию Потёмкину	21
Елизавете Разумовской	23
Прасковье Мятлёвой	25
Александре Дитрихштейн-Шуваловой	27
Прасковье Голицыной	29

Прекрасные черты найдёшь в любом народе –
В манерах, языке и нравственной природе.
Попробуй перенять чужое превосходство:
Гасконцев озорство, османов благородство,
Швейцарцев здравый смысл, испанцев горделивость,
Фламандцев набожность, голландцев бережливость;
У русских потрудись радушия занять,
У польских удалцов – привычку кочевать,
У итальянцев же – изысканную статью;
От немцев почерпни их доброты старинной,
От греков – ловкости, от венгров – прыти львиной.
Огнём души с тобой поделятся южане,
Учтивостью, умом холодным – англичане.
Французов нрав себе на пользу обрати.
И тем отечество своё обогати.

Наталье Головкиной

Грустишь ли средь забот, скучаешь ли,
Иль болен ты, иль жизнь полна ненастья,
Забудешь всё, увидев Натали,
Прелестную, дарующую счастье.
Власть грации – превыше всякой власти.

Андрею Шувалову

Паллады муж, отец Венеры,
Ты, право, разоришь Парнас,
Бумагам Плутоса предавшись без меры;
Твои ж бумаги купит Феб как раз.

Екатерине II

Тебе, Отечества отрада!
Ты вновь решимости полна
Сломить России супостата,
Самодержавная жена!
Владычица семи морей,
Не отвергай моих затей.
Твоё лишь имя воспеваю,
Чья слава в вечности гремит.
Храм памяти её вместит,
А ныне музы осеняют.

Екатерине Багратион

Позвольте Вам сказать,
Что думаю сейчас.
Не в силах передать,
Как рад я видеть Вас.

Но смею Вам сказать,
Что взор нежнейших глаз
Всё ж мог бы угадать
Огонь, что гложет нас.

Екатерине Долгорукой

Невинность любит простоту,
И простоту влечёт невинность.
Сердцам, хранящим чистоту,
Известна некая взаимность.
Но мне пора и ревновать,
Пусть я признаться в том не смею.
Искусство Ваше танцевать
Постичь вовек я не сумею.

Александрю Белосельскому- Белозерскому

Любезный князь, пред кем бледнеют и кумиры,
Которых мысли и слова известны миру,
Пленяющий наш слух и сердце ненароком,
В былые времена Вы слыли бы пророком.
Орест Вы? иль Ормазд? иль праведник иной,
Кем дух наш вознесён над сумрачной землёй?
Нет, Белосельский Вы, который вдохновеньем
Наполнил истинно чудесный голос свой,
Сбирая дань слезой, восторгом, размышленьем.

Сергею Уварову

Недаром говорят французы:
Привычка мыслить и добро
Медь сердца плавят в серебро.
Развившаяся Ваша муза
Полна столь нежными стихами,
Приправя тонко их грехами,
Что мы Вам кланяться должны.
Вы остроумия полны
И в сочинениях, и в свете.
Не стану я держать в секрете,
Что знаменитый Ваш поэт
Вовек не пел столь сладострастно,
Очаровательно и ясно,
Как Вы, встречая свой рассвет.

Платону Зубову

Вперёд, бесстрашный Фаэтон,
Пусть неизбежное свершится:
Вы покорили горделивый небосклон,
Но рок остановил бег Вашей колесницы.
То было в дни Екатерины.
Имён и лиц перебирая ряд,
Великая жена искала гражданина,
И вот уж Вы министр, придворный и солдат,
И вот блистаете среди жизненной арены.
Князь! Вашей искренней души
Не омрачили перемены:
Вы счастье ищете в тиши,
Людская радость Вам блаженство,
Очаровать Вы всех смогли
И крепко стали на земли.
Не скрою, среди нас Вы прямо совершенство.
Но всё ж возница Вы посредственный, меж нами,
И не желаю, князь, к чертям лететь за Вами.

Казачке по имени Флора

Мой смущённый глас
Возвысить как сумею?
Мой смущённый глас
Взывает к Вам в который раз.
Могли б казаться Вы нежнее,
Но в чувствах я неволен стал сейчас.
С душой расстанусь я скорее,
Чем разлюбить посмею Вас.
Мой смущённый глас и т.д.

Где бы я ни жил,
Не знал таких, как Флора.
Где бы я ни жил,
Прекрасней в небе нет светил.
От мест, где царствует Аврора,
До края, где Фетиды друг почил,
Всё на земле вмещает Флора.
Весь мир пред ней главу склонил.
Где бы я ни жил и т.д.

Всё сличаю с той,
Что услаждает взоры,
Всё сличаю с той,

Что блещет истинной красой.
Над ней не властны приговоры,
Творимые блистательной толпой.
Прозвание и облик Флоры
Исполнены её душой.
Всё сличаю с той и т.д.

О! в моей крови
Приятное волненье.
Юный бог любви
Направил к Вам мечты мои.
Единственное помышленье
Моё о Вас до гробовой доски.
Душой не зная охлажденья,
Вернусь, лишь отгремят бои.
О, в моей крови и т.д.

Юрию Головкину

«Штаммбух» смущает слух суровостью немецкой,

«Альбом» латинщиной звенит великосветской.

Я начертать на сѐм не смею ничего.

Но как не похвалить поэта моего?

Так, решено! От сердца помещаю

Признание в том, как мною ты ценим.

Любить Головкина нас сердце заставляет:

Наш разум и наш вкус склоняются пред ним.

Николаю Путятину

Когда лепил Творец нас в образе своём,
Он видеть каждого предполагал творцом.
Какое ж возымел он разочарованье,
Когда пустилась тварь в слепое подражанье.
«Кривляки жалкие! – Создатель возопил. –
На то ль рассудком я вас щедро наградил,
Чтоб, угрызения не ведая душою,
Вы разумели жизнь чужою головою?
Храните только вздор вы в памяти своей».
Так горячился он, любя своих детей.
Но Вы, мой милый князь, в садах своих мессия,
Отраду новизны приносите в наш мир.
Пред Вами образцы – Персеполь, Византия,
Афины, Галлия, Рим, Альбион, Каир;
И в отдаленьи, на обочине Земли,
Свой безупречный вкус Вы воплотить смогли.
Во дни Иосифа, во дни Екатерины
(Мы были в свите сих блестящих властелинов)
Как поразил нас вкруг разлитым волшебством
Ваш Петергоф, царём заложенный Петром,
Куда на брег морской, голландцев чтя прилежно,
Кой-что от их садов он перенёс поспешно.
И то же вижу здесь: не мысля о канонах,

Любуюсь домом о шестнадцати балконах;
Вот зыблется струя, свергаясь с высоты;
Деревья, воды, трав покровы и цветы,
Затеи зодчества, что высятся кругом,
Провозгласили Вас счастливейшим царём.
За сменой часов, дней, месяцев и лет
Вы позабыли двор, Вас не пленяет свет,
Покою, счастью Вы принесли обет.
Здесь открывается вид чудный предо мною
Колонн, кумиров, ваз, стоящих чередою;
Вот мельница, слегка вращаема волнами,
Торопит хладный ток своими жерновами.
Фигурные кусты, руины и мосты
Разнообразят вид природной красоты.
О! Вот обитель, где дремать не смеют чувства,
Где соревнуются природа и искусство.
Хвала хозяину! Он тонкий философ,
Поклонник грусти он средь наших мудрецов,
Но да позволит мне несвязными стихами
Себя развеять меж печальными мечтами.

Марии Нарышкиной

Порою взбалмошна любовь,
И это точно водевиль.
Лишь в тишине живёт любовь,
Благоуханна, как ваниль.
Владеет смертными любовь,
Распоряжаясь в их судьбе.
Больших и малых зрит любовь
Всегда покорными себе.

Прекрасна дева, чья любовь
Обнять готова целый свет.
Питать к ней тайную любовь –
Безумство, право, или нет?
И пусть в глазах её любовь,
Душа учтивости полна.
Она не выкажет любовь,
Лишь будет искренно нежна.

Екатерине Самойловой

Златит печальная аврора
Елизаветы городок.
От сна отряхиваю взоры
И шлю тебе с десятков строк.
Ни кружево стихосложения,
Ни блеск пленительных идей
(Всё, чем когда-то жил мой гений)
Любви не выразят моей.
Скажу я просто «обожаю»,
На то не нужен Феб златой.
Но хочешь ли узнать, пожалуй,
Что степи сделали со мной?
Здесь музы точно онемели.
Затворницы едва-едва
Сплетают желчные слова
И не указ им бог свирели.
Но знай, стихи отяжелели
И оттого, что зорких муз
Ты превосходишь красотой –
На лиру тотчас взвалят груз,
Лишь для тебя её настрою.
Любовь могла б меня спасти:
Всегда поблизости проказник,

Кто среди муз пусть не в чести,
Но и в степи закатит праздник.
Проказник, право, не простак.
Замёрзшей лирой он скучает,
Но, лишь падёт на землю мрак,
Он сердца струнами играет.
Он распалает чувства той,
Что блещет дивной красотой.
Но я от мыслей сих страдаю
И их вседневно убегаю.
Природа в утешенье нам.
Я говорю её устами,
Но я скучаю по лесам;
Сей край столь беден древесами.
Стеснили жизнь мою валы!
Увы, моя Елизавета,
В фортеции Елизаветы
Одно лишь общество – ослы,
Да дромедары, да козлы,
Да запорожцы, да ягнята.
Не всё петиметру-солдату
Великосветские балы!
Но всё ж, условимся, лишь сон
Сразит усталого супруга,
Идём, оставя гарнизон,
В степи, в степи любить друг друга.

Григорию Потёмкину

По-царски одарён ты щедрою природой.
Талант и чистоту хранит твоя порода,
Изысканный мудрец, привычный зову чести,
Ко всем участия полн, противник тонкой лести,
Беспечный весельчак, порой философ мрачный...
Но сей последний скрыт в тени полупрозрачной.
Герой Горация, тебя в былое время
В кумиры возвело бы эллинское племя.
Как умещается всё на челе твоём?
Отрадно мне, когда вступаю я в твой дом.
Нет! приравнять тебя нельзя к иным великим —
Вседневно ты для нас являешься двуликим.
Пожалуй, внутренность твоя многообразна.
С десятков лиц в тебе началам служат разным.
Забудь на краткий миг груз тягот и невзгод,
И дух твой счастье внезапно обретёт.
Но справедлив ли ты, когда в печальных думах
Перебираешь сонм завистников угрюмых,
Что мнят в безумии равнять тебя с собой
И злобной завистью тревожат твой покой?
Веленье мудреца без лишних слов прими:
Любезный князь, прошу, себя ты возлюби.
Настанет день — Луна под бурей содрогнётся,

Осман падёт во прах, не в силах уж бороться.
Вожди их, кровию своей траву питая,
К ногам твоим прильнут, о жизни умоляя.
Узри царицы ты и счастье, и славу,
Ты ей надёжный друг, отмститель за державу.
Узри красавиц, кои слёзы проливают –
Своих племянниц, что тебя благословляют.
Узри меня, кто горд быть спутником твоим,
И дружбы голосом утешься золотым.
Тебя ждёт подвиг, но предвижу в отдаленье:
Как сон ты отряхнёшь кровавые виденья.
Средь солнечного дня в венке из юных роз,
Ты снова жизнь вдохнёшь без потаённых слёз,
И наконец любовь, искусства, размышленье
Покроют дни твои цветами наслажденья.

Елизавете Разумовской

Сей день запомнится счастливейшим из дней
Всей Вене, встретившей сиятельных гостей.
Приветы рифмачей теряются в трезвоне,
Но всё же лучшие у доброго Гамбони.
Давно я предвкушал увидеть это диво,
И вот уж наяву им очарован живо.
Прекрасная звезда взошла на небосклон.
Какой изыск, какой в ней разум заключён!
Семейства славного в ней видятся черты.
Для матери своей она дух доброты.
Противница она тщеславия пустого
И себялюбия смиренно рвёт оковы,
Недаром благодать живёт в главе сей милой.
Но победить порок ей, право, не под силу.
Наследуя отцу полёт воображенья,
Она скучает всё ж механикой, движеньем,
Резьбой, рисунком и познанием природы.
Умом она в отца, душой – иной породы.
Не схожа обликом с божественной сестрой,
Елизавета страсть имеет за душой.
Лишь искренность сердец, характер, благородство
Меж ними кровное свидетельствуют сходство.
Другой сестре она подобна прилежаньем,

Не думая векам предать своё прозвание.
Она оригинал под блеском красоты,
В речах своих полна ума и остроты.
Её словечки свет вседневно повторяет;
Но простодушием друзей она пленяет.
Она прелестна, как весенняя капель.
Всё ж родилась она, когда стоял апрель.
Елизаветы вкус сквозит и в милой шутке,
В приятельских речах она блестит рассудком.
Так! Сердце и слова её всегда умны.
Дары небесные ей были вручены
При появлении в мир, средь дня двадцать шестого.
Быть рядом с ней для нас верх счастья земного.

Прасковье Мятлёвой

Благословенная супруга
Того, кто дорог мне именованьем друга,
Я дружбы той храню чудесные картины;
Бессмертныя Екатерины
Он был советник, друг, финансов устроитель!
Вы внучка дивного героя,
Кому божественной рукою
Марс отворил богов обитель
За величавые труды;
Кто в поединках беспримерных
Похитил Фридриха победные плоды!
Дочь покорителя магометан неверных,
Узревшего Дунай, пленившего Хотин!
Вы излечить смогли от чёрного недуга
Сего несчастного, лишившегося друга,
Кто участи своей не вынес бы один.
Примите в сих стихах моё благодаренье
И будьте веселы, любезная подруга.
Пребудьте же вовек достойной восхищенья.
Прекрасный Ваш альбом хранит изображенье
Всех черт моих; но нет, ещё таит душа
Признательность, любовь и нежность без границы.
Мне, право, нечему учиться

У Вашего карандаша.

Son anche pittore штрихом иного рода:

Рисую мысленно небесные черты,

Которыми щедро природа

Пред богом Вашей красоты;

Рисую все дары душевны и сердечны

(Я прозу не пушу в стихи свои, конечно,

Но и выдумывать не стану каламбуры),

Что Вы скрываете от посторонних глаз.

Но, полно, не нужны поэзии фигуры,

Когда так истина живописует Вас.

Александре Дитрихштейн-Шуваловой

Повсюду трепетной стрелой
На север компас обращён.
Наши сердца влекомы тою,
Что нам несёт любви закон.
Сестра ей первая подруга,
А муж соперничает ей.
И как прожить им друг без друга
И без насмешливых затей?

Она учтивости прелестной
И добродетели полна.
Блистая грацией чудесной,
Очаровала свет она.
Поэт невольно восклицает:
Семья золотая, ваш портрет
Неизъяснимо вдохновляет
Вам адресованный куплет.

Комедианты дорогие,
Великолепные друзья,
Невольно будешь петь Россию,

Когда мы дружная семья.
Рождением Александрины
Восторг наш общий осенён:
Признательностию единой
Три сердца бьются в унисон.

Прасковье Голицыной

Вот милый мой кантон, как говорит швейцарец,
Где Вашим вымыслом пленён один цесарец.
Вы остроумие само
Пред Белосельским-Башомо.
Найдёте Вы у нас часовни вековые:
Собесский в старину творил дела святые,
Чтобы неверного скорее победить
И Австрию приободрить.
Дремучий лес кругом, как будто для того,
Чтоб голосу внимать природы потаенной.
Вы были ей благословленны
Проникнуть в таинства искусства своего
И тем уже служить природы украшенью.
«Кантон противный» мой! Когда б Ваш милый гений
Провёл со мной остаток дней!
Он средь мусических затей
Всё был бы верен вдохновенью.
Вы восприемница пленительных манер
Того, кто был для нас Парни, Дорат, Вольтер.
Хотел бы вновь любить скучающий певец,
Но долг повелевает ныне
Без лести петь мою княгиню.
Сегодня, право, я не льстец.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.